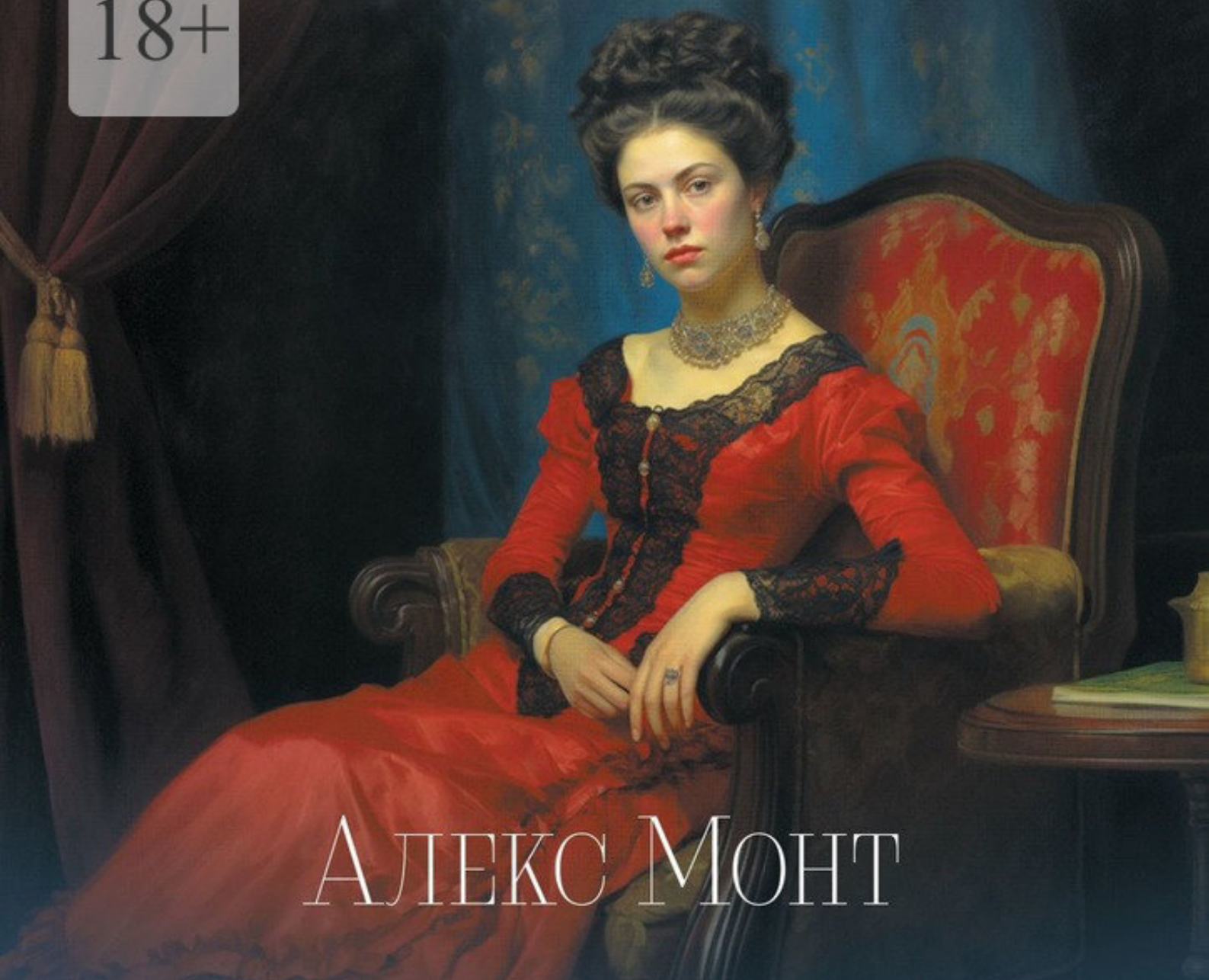

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

18+

АЛЕКС МОНТ

УТЕРЯННАЯ
БРОШЬ

НОВЫЙ
РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ
ОТ АНТОНА ЧИЖА

Rideró

Алекс Монт

**Утерянная брошь.
Исторический детектив**

«Издательские решения»

Монт А.

Утерянная брошь. Исторический детектив / А. Монт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606527-7

У княжны Долгоруковой пропадает брошь, кою государь подарил ей в Париже во время их тайных свиданий. Если безделица окажется в руках императрицы, ее немилость коснется тех, кто был рядом с царственным супругом. На броши выгравирована дата, не оставляющая сомнений о месте сделанного подарка. И первый, кому грозит монаршее неудовольствие — главноуправляющий Третьим отделением Шувалов. Он то и поручает найти пропажу своему confidentу, следователю Санкт-Петербургского Окружного суда Чарову...

ISBN 978-5-00-606527-7

© Монт А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Задание шефа жандармов	6
Глава 2. На даче Шувалова	10
Глава 3. Ловля на живца	12
Глава 4. Купец первой гильдии Поляков	17
Глава 5. Хороша Маша, да не наша!	21
Глава 6. Убийство в гостинице	23
Глава 7. Шерше ля фам	28
Глава 8. Филер Шнырь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Утерянная брошь Исторический детектив

Алекс Монт

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Алекс Монт, 2023

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-6527-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Задание шефа жандармов

Поздним вечером среды 29 мая 1867 года¹ в Париже напротив неприметного серого дома на улочке Басс дю Рампар остановился фиакр. Дверца кареты приоткрылась, и из подъезда вышла закутанная в плащ молодая дама с прической а-ля Мария Стюарт, чьи пышные каштановые волосы осветились газовым фонарем. Накинув капюшон, женщина села в экипаж, и карета тронулась. Возле широко разросшегося платана на углу авеню Габриэль и Мариньи лошади остановились, и мерное цоканье копыт сменилось частой дробью удалявшихся шагов. Когда стук каблучков стих, раздался щелчок замка, скрипнула увитая плющом калитка, и дама исчезла во мгле.

В погожий осенний день того же 1867 года следователь Петербургского Окружного суда коллежский асессор Чаров вошел в кабинет Шувалова. Не отрываясь от бумаг, шеф жандармов указал на стоявший возле огромного письменного стола одинокий стул.

– Итак, каково ваше решение? – смотря в упор на своего визави, спросил граф.

– С радостью принимаю предложение вашего высокопревосходительства, однако смею напомнить о моих обязательствах перед Министерством юстиции. Еще восемь месяцев я должен отдать этому ведомству, – затягивал с безоговорочным «да» судебный следователь.

– А я и не предполагаю вашего немедленного зачисления в штаты Третьего отделения. Однако ж, получив от вас принципиальное согласие на сей счет, могу быть уверенным в вашей неизменной готовности служить и далее высшим интересам империи, – Шувалов достал из ящика плотно исписанный лист бумаги и протянул Чарову.

– Это...? – глядя на французский текст, коллежский асессор изогнул вопросительно брови.

– Доклад префекта Парижской полиции императору Наполеону, – с угрюмым видом пояснил граф.

– Подробности покушения на государя в Булонском парке после военного смотра в Лоншане? – осторожно предположил Чаров.

– Не угадали, – с тяжелым вздохом отозвался Шувалов. – Доклад содержит отчет службы наружного наблюдения о передвижениях вот этой особы, – с этими словами он открыл лежавшую на столе папку, откуда извлек дагерротип молодой женщины с копной темных волос, точеными чертами лица и обворожительной улыбкой. – Часом, не узнаете?

– Признаться, затрудняюсь, – любясь портретом, с невольным сожалением изрек судебный следователь. – Нет, изображенная здесь молодая особа мне решительно не знакома, – он покачал головой и возвратил карточку.

– Эта милая девица с невинным ангельским взором – княжна Екатерина Михайловна Долгорукова, – высокий лоб шефа жандармов прорезала глубокая складка. – Та самая девчонка, вскружившая голову государю и могущая в любую минуту посеять раздор в императорской семье, – заметив растерянность молодого человека, расставил точки над *i* Шувалов. – Опасаясь скандала или же руководствуясь какими иными видами, – граф многозначительно хмыкнул, – родные княжны увезли ее в Италию, на родину супруги ее старшего брата Михаила. Однако ж ненадолго. Едва государь изволил прибыть на Выставку в Париж², как Долгорукова тотчас примчалась из Неаполя в сопровождении оной родственницы.

– Семья княжны переменила свое отношение и стала поощрять сию...? – Чаров на мгновение запнулся. – Неподобающую связь, – выдавил из себя он опасную крамолу.

¹ Даты указаны по старому стилю.

² Речь идет о Всемирной выставке 1867 года.

– Император великодушен и щедр, а Долгоруковы безнадежно разорены. В Париже княжна совершала с государем прогулки и еженощно таскалась в Елисейский дворец, где пребывали его величество, – не скрывал своей досады Шувалов.

– Но как княжна проникала во дворец? – искренне изумился судебный следователь.

– У нее имелся ключ от дворцовой калитки со стороны сада, кой ей вручили по приказу государя. Агенты парижской полиции срисовали ее, а месье префект немедля донес о случившемся императору Наполеону. Французский монарх чрезвычайно дорожит расположением его величества и не дал повода трепать высочайшее имя газетам. Более того, он строжайше запретил вести слежку за Долгоруковой и любезно передал с адъютантом сей отчет мне, – самодовольно усмехнулся граф и испытующе посмотрел на собеседника.

– Стало быть, эту историю удастся сохранять в тайне? – хриплый голос выдал волнение Чарова.

– Шила в мешке не утаишь, – обреченно махнул рукой Шувалов. – Однако чем далее она будет сокрыта от посторонних глаз, тем будет лучше. Тем будет лучше для всех, – уточнил свою мысль шеф жандармов. – Хотя в оную тайну посвящены многие. Министр двора граф Адлерберг, снабдивший ключом княжну, да и... – он хотел было упомянуть остальных спутников царя, приехавших в Париж и проживавших в Елисейском дворце, но поостерегся, поскольку состоял в их числе.

– М-да, положение, – пряча глаза, неопределенно протянул молодой человек.

– Мимолетное увлечение, как все полагали поначалу, обернулось затянувшимся наваждением. Государь ведет себя как влюбленный юноша, и августейшее безрассудство может иметь весьма далеко идущие последствия. Для императрицы, понятно, не новость частые увлечения супруга, однако это... сумасшествие затмевает собой все прочие, – не сразу нашел подходящее слово граф. – Строго *entre nous*³, Чаров. Государь наследник выказывает нервозность и явно растерян, а император создает вид, что никто ничего не замечает. Сейчас княжна в Петербурге, поместилась у того же брата Михаила на Английской набережной и всякий день видится с его величеством в Летнем саду, благо погода позволяет, – с нескрываемым сожалением попенял Шувалов на дивные осенние дни.

– Не нахожусь с ответом, ваше высокопревосходительство, – вторить шефу жандармов и соглашаться с его критикой особы государя Чаров не посмел.

– У меня будет личная просьба к вам, – взгляд Шувалова потеплел, а голос приобрел фамильярную задушевность. – Попробуйте войти в близкое окружение княжны и составить свое мнение об этих лицах.

– Быть соглядатаем, – смущенно проронил молодой человек, уразумев в одночасье, чего от него ждет шеф жандармов. Чувство брезгливой отчужденности затаилось в уголках его рта.

– Когда надо было зондировать мадам Акинфиеву⁴, вы были куда сговорчивее, – взгляд Шувалова окатил его холодом.

Всесильному главноуправляющему Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Петру IV, как его называли в свете, весьма досаждало, что он узнал о происходивших у него под носом событиях от министра двора, этого развязного фанфарона Адлерберга⁵ с канареечными мозгами, а не догадался обо всем сам. Намереваясь отныне быть в курсе подробностей развития любовной интриги, он решил использовать в своих целях Чарова.

³ Между нами. (Фр.)

⁴ Об этой истории можно прочитать в романе автора «Пропажка государственной важности».

⁵ Речь идет об Александре Владимировиче, втором графе Адлерберге, в то время управлявшем Министерством императорского двора вместо своего отца.

– Но я не вижу возможностей для немедленного исполнения поручения вашего высокопревосходительства, – заметно напрягшись, пробормотал судебный следователь. Осознание собственной незащитности повергло чиновника в неподдельный шок. Даже если забыть о неблагоприятной стороне поручаемого ему дела, во главу угла вставляли вопросы практического свойства. Узнать о намерениях Надежды Акинфиевой – прожженной и наглой авантюристки, плавно переместившейся из спальни князя Горчакова в объятия герцога Лейхтенбергского, – это одно; и совсем другое – шпионить за возлюбленной императора.

– Сойдитесь с братьями княжны. Используйте связи вашего дядюшки-министра⁶, но помните: моя доверительность секретна, и вы подотчетны одному мне. Кажется, Екатерина Долгорукова водит дружбу с мадемуазель Варварой Шебеко, чья сестра замужем за другим братом княжны, Василием, – при этих словах Шувалов выразительно посмотрел на закрытую дверь и приложил к губам палец. – Кстати, мой адъютант носит ту же фамилию.

– Господин полковник...? – изобразив замешательство на лице, не договорил коллежский ассессор.

– Брат мадемуазель. Человек он способный, ревностен в службе, но действовать через него в этом деликатнейшем деле, согласитесь, затруднительно.

– Я вас понимаю, – невольно согласился основательно сбитый с толку Чаров.

– Превосходно, что понимаете, – с язвительным снисхождением усмехнулся граф. – Видите, как все запуталось и переплелось. И не мне вас учить, как распутать означенный клубок, – с ходу отметал любые возражения Шувалов.

– Однако ж дядюшка едва ли сможет помочь мне. Как должно быть известно вашему высокопревосходительству, он нынче с семьей в Берлине и вернется в Петербург не ранее середины октября, да и... – цепляясь за всплывавшие в его голове обстоятельства, Чаров всячески пытался избежать навязываемой ему роли. Гадливое послевкусие, вызванное словами Шувалова, и подленькая покорность его воли смущали молодого человека.

– И что с того? Испытайте иные оказии. Вы приняты в свете, а это главное, – граф нервно передернул плечами. – Поймите одну непреложную истину, Чаров. Ежели ваша знакомая Акинфиева угрожает будущности его императорского высочества герцога Лейхтенбергского и вредит ему одному, то княжна Долгорукова может принести неисчислимы бедствия государю и России.

– Приложу все усилия, ваше высокопревосходительство, – под напором шефа жандармов он был вынужден сдаться.

– Вот и чудесно, – удовлетворенно изрек Шувалов. – Касательно выстрела Березовского в Булонском парке поговорим в воскресенье. Приезжайте ко мне на Елагин часиков... – граф умолк на мгновение, – эдак в пять. У меня на даче вы забудете про городскую суету и найдете истинное отдохновение, – морщась от грохота проезжавших по булыжной мостовой экипажей и косясь на задернутое кисеей окно, скрадывавшее зловещий силуэт Михайловского замка, он отпустил Чарова.

Княжна Долгорукова владела помыслами Сергея весь обратный путь до его квартиры на Седьмой линии Васильевского острова. Проезжая «Золотой якорь», он почувствовал голод, и, подумав, что дома его ждет вчерашняя телятина и иных разносолов не предвидится – слуга Прохор был не мастак готовить, он остановил пролетку и зашел в трактир. Заметив сквозь приоткрытую дверь знакомую компанию студентов академии художеств, он предпочел избежать общения с подвыпившими гениями и поднялся на второй этаж. Не в пример завсегда яам трактира, публика в ресторане вкушала блюда с важной значительностью, официанты с хлыщеватыми усиками и улыбкой вездесущей угодливости сновали с уставленными снедью подносами, бесшумно фланируя по вощеному паркету меж мерно гомонящих столов.

⁶ Чаров приходился двоюродным племянником министру внутренних дел Валуеву.

Не успев сделать и шагу, Чаров был окликнут князем Несвицким – любителем лошадей, парусного спорта и начинающих актрис. Матушка князя подыскала ему выгодную партию, и, в преддверии помолвки, Несвицкий предпочитал теперь манеж театру, а то и буднично коротал вечера в ресторации за бутылкой бургундского или «Вдовы Клико». Вот и сейчас, изобразив скужающий вид, он тянул шампанское, заедая его устрицами и бросая рассеянные взгляды на входящих в зал.

– Давненько мы не видались, cher ami⁷! – щелкнув пальцами официанту, с неподдельным энтузиазмом воскликнул Несвицкий. Появление Чарова ему было приятно, и он не скрывал своей радости.

– С того самого дня, как брал у тебя Запала, mon cher⁸.

– Славный жеребец, только горяч не в меру, – глаза князя мечтательно загорелись.

– Тогда его горячность пришлась как нельзя кстати. Я успел вовремя, – вспомнив о сумасшедшей скачке в Царское Село⁹, отвечал Сергей.

– Отведай устриц, страсть как хороши, – отправил в рот очередного моллюска князь.

«А не расспросить ли его сиятельство о Долгоруковых?» – следуя гастрономическому совету князя, подумал Чаров и отхлебнул шампанского, с почтительной предупредительностью разлитого официантом.

– С Васенькой Долгоруковым знаком отменно. Можно сказать на дружеской ноге. Не раз он, шельма, как на вист соберемся, меня на раздаче обходил. А вот с его старшим братцем Мишелем дружбу не вожу. Уж больно заносчиво ноне держится князь. Да и супруга его, княгиня Луиза, источает холодную неприступность, строга до неприличия стала. Только в толк не возьму с чего? – недоумевал Несвицкий.

– Женское настроение переменчиво, сродни нашей погоде, – глухо пробормотал Сергей, мотая на ус последние слова князя. От него не ускользнула лукавая искорка во взоре приятеля.

– Зато благоверная Васеньки, княгиня Софья, напротив, неизменно приветлива и равна со мною, – продолжал Несвицкий, с видимым удовольствием поглощая устриц.

– Она из рода... – Чаров делано замялся и наморщил лоб.

– Шебеко, Серж. Ее старшая сестра Ольга замужем за графом Гендриковым, камергером, а вот младшая, мадемуазель Варвара – свободна, покамест, – многозначительно подмигнул ему Несвицкий. – Богатая невеста, а rporos¹⁰, однако не в моем вкусе, – с некоторым сомнением процедил он и, оставив опустевший бокал, игриво взглянул на собеседника.

– В самом деле? – вскинулся Чаров.

– Могу тебя представить, буде пожелаешь.

– Премного обяжешь, – он подозвал официанта и приказал подать себе обед, попросив бульону с клецками, пирожков разных сортов, салат с эстрагоном и рубленным яйцом, рыбу соль под нормандским соусом, пунш глясе и маседуан на сладкое.

На следующий день слуга Прохор подал ему записку. Несвицкий звал Чарова на парусные гонки, устраиваемые в воскресенье городским яхт-клубом. «Будь к полудню на Крестовском, mon cher. Обозреешь очередной этап осенней регаты и мадемуазель Варвару. Васенька с супругой тоже приедут. Что до прочих Долгоруковых, наверняка не скажу, но коли Мишель соблаговолит принять наше приглашение, княжна Екатерина и княгиня Луиза точно придут. Моя „Мечта“ стоит в эллинге на ремонте, посему буду обыкновенным зрителем на веранде», – сообщал его сиятельство. «Как все устроилось, однако. Сведу нужное знакомство и к графу на дачу поспею».

⁷ Дорогой друг. (Фр.).

⁸ Дорогой. (Фр.).

⁹ См. роман автора «Пропажа государственной важности».

¹⁰ Кстати. (Фр.).

Глава 2. На даче Шувалова

К часу открытия гонок гостевая трибуна, устроенная против клубной дачи¹¹ на Елагином острове, заполнилась до отказа. Погода стояла на удивление солнечная, и свежий юго-восточный бриз призывно бил по скрученным парусам скопившихся возле буев и ждавших сигнала яхт. Нарядная публика, вооружившись биноклями и зрительными трубами, живо переговаривалась и горячо обсуждала участников гонки. Народ попроще толпился внизу, пестрой лентой растянувшись вдоль берега Средней Невки. Наконец прозвучал гонг, спортсмены развернули паруса, и, рассекая водную гладь, суда устремились к заливу.

В рядах поглощенных начавшимся действием зрителей находился видный, франтовато одетый господин, чей бинокль был направлен на открытую веранду клубной дачи, где собрались почетные гости и особо близкие к организаторам соревнований лица. Казалось, происходящее на реке вовсе не занимало мужчину. Его острый наметанный взгляд методично скользил по дорогим туалетам и украшениям сидевших напротив дам, пока не застыл на очаровательной шатенке, с благосклонной улыбкой внимавшей стоявшему за ее спиной молодому человеку. Когда последний парус скрылся за поворотом, франт спустился с трибуны и, изящно помахиывая тростью, растворился в толпе.

– Итак, Чаров, вижу, времени зря не теряли, – одобрил его рассказ Шувалов, отдавая щедрую дань лафиту. – Это удача, что Долгоруковы приехали поглазеть на регату и вы сошлись с их семейством. Батюшка княжны непоправимый картежник. Пустил по ветру огромное приданое жены и заложил последнее имение.

– По первому впечатлению, братья княжны – люди основательные. В особенности, старший, Михаил. Подобного расточительства он не допустит.

– А уж и нечего расточать! Одна у них надежда – милость государя, – граф любовался подсвеченной солнцем багровой красотой фужера. – А она, монаршая милость, при умелом подходе может оказаться воистину безмерной.

«А ведь, коли Долгорукова войдет в силу, ее многочисленные родственники начнут осаждать государя, выпрашивая через княжну всевозможные выгоды», – легкая тень пробежала по лицу шефа жандармов.

– Насчет милости его величества, – прервал его размышления судебный следователь. – Во время гонок княжна потеряла брошь, полагаю, подарок государя.

– Опечалилась? – Шувалов замер на миг.

– Сражена неподдельным горем, иначе и не скажешь, ваше высокопревосходительство. Обыскали всю веранду и лужайку вокруг, но брошь как в воду канула. Должно быть, кто-то из публики подобрал.

– Как вам младшая Шебеко? – неожиданно перевел тему шеф жандармов.

– Мадемуазель Варвара тонкая штучка, сходу не поймешь. Однако мне не глянулась ее близость с княжной. Полагаю, супруга старшего брата Долгоруковой, княгиня Луиза, состоит в числе ее конфиденток.

– Скорее, играет роль тайной наставницы, а по случаю компаньонки и наперсницы. Не исключаю, что оно амплуа тяготит обеих, – не согласился с его оценкой Шувалов.

– Текущая в ее жилах королевская кровь питает мадам гордыней. Все ж таки она почти что принцесса де Бурбон¹², – скромно предположил судебный следователь.

¹¹ Дача Петербургского яхт-клуба находилась на Крестовском острове.

¹² Княгиня Луиза Долгорукова по отцовской линии происходила из младшей ветви испанских Бурбонов, царствовавших в Неаполе, так называемых Сицилийских Бурбонов.

– Вот именно, что почти! Луиза – незаконная дочь королевского сына, а предки княжны самые что ни на есть Рюриковичи. Впрочем, не будем вдаваться в родословец. Мадемуазель Варвару Шебеко видели в Летнем саду, где она сопровождала Екатерину Долгорукову, – наконец дошел до сути дела шеф жандармов.

– А ежели это была не она, а княгиня Луиза, с коей княжна приезжала на свидание с государем в Париж? – упорно стоял на своем Чаров.

– Полагаете, мои скоты обмишурились и приняли ее за девицу Шебеко? – лицо Шувалова приняло надменное выражение.

– Не смею бросать тень на агентов Третьего отделения, однако ж нельзя исключить ошибки с их стороны.

– Обознаться может каждый, Чаров. Только приставленный к Долгоруковой филер знает в лицо всех родичей княжны и способен отличить супругу ее брата Михаила княгиню Луизу от этой ящерицы Шебеко, – непререкаемым тоном заявил Шувалов.

– В таком разе следует приставить филера и к Варваре, хотя... – он осекся на полуслове, подумав, что будет ловчее волочиться за ней без пригляда агентов графа.

– Успеется. Раз вы намерены приударить за мадемуазель, филеры будут излишни, – шеф жандармов разгадал его мысли и весело улыбнулся. – А что за брошь обронила княжна? – вернулся к происшествию на регате Шувалов.

– Весьма трогательная безделица с сапфирами в виде анютиных глазок и бриллиантами замечательной по изяществу работы. Браслет от того же ювелира она носит на левом запястье. Как шепнула мне мадемуазель Варвара, на утерянной броши выбита дата – «30 мая».

– Стало быть, оные безделицы император преподнес ей утром в Елисейском дворце, в самый день отбытия из Парижа... – граф замолк на мгновение. – А вы изволите судить, что княжна не близка с Варварой Шебеко! – он насмешливо посмотрел на Чарова.

– Мадемуазель могла случайно прознать про оные обстоятельства, – пожал плечами Сергей.

– Ежели мадемуазель Шебеко пока что не в числе конфиденток княжны, то в скорости таковою станет. Уж поверьте моему опыту, – глотнув лафита, важно изрек Шувалов.

– Выходит, я не напрасно обеспокоил Несвицкого?

– Весьма недурно, что он представил вас Долгоруковым, а не кто-либо иной. К примеру, мадам Акинфиева, как бы невероятно оное допущение не показалось. Уж больно от нее пахнет... – граф намеревался крепко выразиться о достоинствах госпожи Акинфиевой, как появление на веранде, где они уединились для частного разговора, графини остановило шефа жандармов.

– Э-э-э о чем это я толковал? – после ухода супруги, пришедшей сообщить, что чай подан, спросил Шувалов.

– О мадам Акинфиевой, – подсказал с улыбкой Чаров.

– Да бог с ней! – как от назойливой мухи отмахнулся он. – А вот Варвара Шебеко и ее замужние сестры, равно как и братья Долгоруковы, будут нам весьма интересны, – взгляд графа скользнул по лицу судебного следователя, отчего тот инстинктивно напрягся. – Ваш приятель Несвицкий настоящий чудесник, что одним махом свел вас с ними сегодня на регате. А коли бы вы отыскиали ту брошь... – задумавшись, он умолк на мгновение. – Кстати, как вы нашли княжну? – задал главный вопрос шеф жандармов.

– Как утренняя роза свежа и прекрасна, ваше высокопревосходительство, – в искреннем восхищении воздел руки к небу судебный следователь.

– Ищите пропавшую брошь, Чаров. Не сомневаюсь, ваши шансы заслужить доверие Долгоруковой взлетят до небес, когда в один прекрасный день вы вернете ей подарок государя. А теперь идемте пить чай. За ним и поговорим о выстреле Березовского в Булонском парке.

Глава 3. Ловля на живца

Анализируя происшедшее на регате, Чаров пришел к выводу, что брошь вряд ли удастся найти, если ее подобрал кто-то из праздной публики.

«Разве что дать объявление в „Полицейских ведомостях“ и предложить нашедшему приличное вознаграждение. Однако княжна едва ли согласится, памятуя историю вещицы. Но коли брошь позаимствовал не случайный человек из толпы, а вышедший на промысел карманник, шансы отыскать безделицу повышаются. Со слов княжны, замок на броши был надежный, шомпольный и никоим образом сам собою не отворялся. В таком разе злоумышленник незаметно подкрался к жертве и, пользуясь теснотой и сутолокой, ловко вывинтил замковый шомпол и снял безделицу с платья. А ведь, чтоб такое обделать, потребна недюжинная сноровка».

Приехав в Окружной суд, он поднял старые дела, связанные с подобными кражами, и, прикинув личности подозреваемых, отослал записку чиновнику для поручений Блоку, служившему в Сысской полиции с первых дней создания ведомства.

– Стало быть, никаких зацепок на означенный предмет не имеете? – выслушав Блока, разочарованно проронил Чаров.

– Сысская полиция существует менее года, господин Чаров, и учет преступников покамест у нас не богатый, однако ж случившаяся на регате кража, ежели это была и взаправду кража, – полицейский чиновник пристально глянул на собеседника, – не может оставить меня в стороне. Особоливо, памятуя наше прежнее сотрудничество и вашу ко мне доброту. По причине приватности дела, я не вправе привлекать агентов, да и санкцию вышестоящего начальства... – осекшись на полуслове, Блок задумался на мгновение. – А коли не побрезгуете, предлагаю переодеться, подходящая одежонка у меня имеется, и нынешним вечерком посетить пару мест, где опосля своих подвигов собираются воры да карманники. Авось, что про брошь да услышим.

Пара вечеров шляний по кабакам вокруг Сенной площади не дали результата, и лишь на третий день им улыбнулась удача. Забредя в заведение у Пяти углов – неприглядный трактир в двухэтажном деревянном доме, одна сторона которого изрядно покосилась и вросла на пол-окна в землю, они подслушали примечательный разговор. К этому времени облик Чарова приобрел нужную расхристанность, так что порядочные мастеровые поглядывали на него искоса, а подозрительный элемент с нескрываемым интересом.

– Значитца, на шухере стоял? – просвистел рябой толстяк с выбитым зубом и покрасневшими от духоты и спиртного большими оттопыренными ушами.

– Представь, Викентий, – утвердительно кивнув и отхлебнув из кружки, отвечал собеседник ушастого – длиннорукий жилистый молодец с едва проглядывавшимся пушком на верхней губе. – Едва мы с Князем приехали на Елагин, как он выскочил из пролетки и напрямки к трибуне, – при этих словах Чаров обратился в слух и инстинктивно вытянул шею в сторону стола, где сидели рябой и его рассказчик. – А там публика вся чистая, благородная. Дамы в шляпах с перьями, господа при цилиндрах, офицеры в парадных мундирах. В общем, бумунд. Ну, я, понятню, к людишкам подряннее пристроился, што возле воды стояли, да зырил во все глаза, покамест Князь свое дело не кончил. Кстати, когда он в благородном платье, самый што ни на есть истинный князь, – с гордостью заметил длиннорукий. – Как в пролетку к нему садился, не признал его сразу.

– Ну, а опосля? – сторая от любопытства, прошепелявил толстяк.

– А што опосля? Вижу, Князь с трибуны спускается и по аллее чешет. Я за ним, держу дистанцию. Он мне знак подает, штоб к мосту шел и на Крестовский перебирался. Вижу, возле

берега весла в привязанной лодке, а рядом публика разгуливает да друг с дружкой степенно так беседует. Я весла на плечо да на мост. Как бы хозяину несую.

– Лихо! – шумно глотая пиво, одобрил рябой. Ухватив двумя пальцами кильку пожирнее, он сосредоточенно водил глазами, после чего, удовлетворившись состоянием продукта, без колебаний проглотил рыбешку.

– А как на Крестовском оказался, весла с плеч, да сызнава нырк в толпу, што уж с того берегу на гонки плялилась. Зырю, Князь напрямки к веранде, а там, как в театре, публика в креслах аль на стульях восседает. Тут он с человеком в гребной костюм одетым – до чего срамной костюм, Викентий! – зачал лясы возле самых ступеней точить.

– А опосля? – громко рыгнув, поинтересовался Викентий.

– Заладил, опосля да опосля. Опосля уж кончено дело было. Тот, што в гребном костюме, на Князя двум офицерам кивнул, те с ним поздоровкались, да наверх все чохом и поднялись. Вдобавок на веранду уж с самой дачи важные господа вышли, Князя не узреть толком стало, народу набилось много...

– Как же ты на стреме стоял? – искренне удивился рябой.

– Так и стоял. Мне ж не на Князя глядеть надо было, – мотнул головой рассказчик. – Глазом не успел моргнуть, как он свое дело обтяпал да с дачи утек. Зрю, показывает, штоб сызнава к мосту шел. Там мне целковый отвалил, а сам в пролетку да усвистал восвояси.

– Значитца, ты меня на энтот целковый угощаешь? – с заискивающим взглядом поинтересовался Викентий.

– Да нету давно таво целкового! В той же день все профукал. На бубонного туза поставил, да он мне шиш показал. Это Князь меня нынче подогрел. Грит, сбросил ту цацку, што на Крестовском взял, так что вот тебе, Ваня, выпей за мой фарт, ну и себя не забудь. Это он про мой непотребный костюм намёкивал. Я, понятно, – в Гостиные ряды, у наших барыг мануфактуру брать не с руки. Князь новое дело обещал, в общем, там и приоделся, – встав со стула, окинул себя гордым взглядом Иван. Заправленные в хромовые сапоги штаны из чесучи цвета беж и черный плюшевый кафтан сами по себе смотрелись солидно, но висели, как на вешалке, на худой высокой фигуре их безусого владельца.

Понимающе перемигнувшись, Чаров с Блоком продолжали потягивать пиво, и едва Иван засобирался на выход, а его подвыпивший товарищ задержался в отхожем месте, поспешили на улицу. По привычке, Блок занял позицию у черного входа. Впрочем, эта мера не понадобилась. Не прошло и минуты, как подельник Князя показался в дверях и, успев отдалиться от трактира на десяток метров, был сбит с ног судебным следователем. С помощью подоспевшего сыскаря Ивану скрутили руки и в полицейской карете доставили на Большую Морскую.

– Стало быть, с Князем у тебя новое дело намечается? – напирал на задержанного судебный следователь, тогда как полицейский чиновник угостил Ваньку сильным тумакон в правый бок.

– Никакого Князя не знаю! – прерывисто дыша, шел в глухой отказ тот.

– Послушай, мил человек, – примирительно произнес Чаров. – Скажешь ты нам, где у тебя должно быть свидание с Князем, али нет, мы его едино возьмем. Только, коли его задержание произойдет при твоём содействии, мы тебя отсюда выпустим, и катись ты на все четыре стороны. Однако ежели ты и далее к сознанию прийти не пожелаешь, пойдешь этапом со своим Князьком на каторгу в Сибирь. А посему, подумай на сон грядущий о своей судьбе, а мы к тебе с господином полицейским чиновником завтра заглянем, – решил не форсировать события Чаров, и вместе с Блоком они покинули камеру.

Князя накрыли в ресторане «Доминик», где он играл в домино под пиво с раками в компании с Иваном. Дабы отвести подозрения от последнего, его тоже арестовали, и на пару с марвихером отвезли в Сыскную полицию. Далее их дороги разошлись. Тем же днем, согласившись стать полицейским информатором и поклявшись, что рассказал все о Князе, Иван был

отпущен, а вот за щипача взялись основательно. Однако что любопытно. Сколько ни вглядывался Чаров в Князя, а припомнить его физиономию так и не смог, хотя постоянно находился на веранде во время гонок. «Прямо хамелеон. Как на дело идет, наружность меняет», – недоумевал Сергей.

Допросы с пристрастием и разговоры по душам подвигли Князя к признанию. Привыкший к красивой, на широкую ногу жизни, он панически боялся каторги, а когда увидел себя на следующий день в зеркале, которое ему услужливо поднесли по приказу Блока, едва себя узнал. От его породистой благородной наружности не осталось и следа. Заплывший глаз и распухшие в кровоподтеках губы красноречиво свидетельствовали, что дознаватели не намерены останавливаться, они попросту сломают ему пальцы, и тогда карьере конец. Чаров явственно осознавал страхи Князя и умело сыграл на них. Как и в деле с Иваном, он пообещал ему свободу в обмен на честный рассказ о безделице.

– А теперь, Журавский (так в миру прозывался Князь), поведайте, кому вы продали брошь? – задал, как казалось, вконец сломленному марвихеру главный вопрос Чаров.

– Кто больше дал, тому и продал, – нервно скривился тот.

– Выражайтесь яснее, Журавский.

– Да тем же днем в ломбард, что на Владимирском¹³, снес. Барыгам не хотел отдавать, уж больно цену ломают да важничают зазря.

– И билет ломбардный у вас имеется, – бросил как бы невзначай Блок.

– Да на кой он мне сдался, коли выкупать безделицу не собирался! К тому же приемщик тамошний знаком мне, оценил вещицу по справедливости.

– По справедливости, это как? – не унимался полицейский чиновник.

– По справедливости значит по справедливости, – самодовольно улыбнулся Журавский. – Хорошие деньги дал за безделицу, не объегорил, – с внутренней гордостью объявил он.

– Описать того справедливец сможете? – подошел к сути вопроса судебный следователь.

– С превеликим удовольствием, – с заметным колебанием процедил Князь. – Сутуловатый, в очках, волосы прилизаны, лицом чист, в годах не то чтоб больших, но видно, что не молод. Да, подбородок, у него маленько скошенный, – показал на себе, какой формы подбородок имел ломбардный оценщик.

– Превосходно, Журавский. Со своей стороны я привык выполнять данные обещания. Поскольку обращений о пропаже или краже оной броши в полицию не поступало, мы с господином полицейским чиновником не видим причин удерживать вас далее. Как только ваши слова найдут подтверждение, будете отпущены восвояси. О нашем разговоре и пребывании здесь прошу хранить молчание. Это в ваших же интересах.

После препровождения щипача в арестантскую Чаров распрошлся с немало озадаченным Блоком и, наняв извозчика, приказал везти себя в ломбард на Владимирский. Благодаря приметам Журавского он без труда узнал принявшего брошь оценщика и, официально отрекомендовавшись, приступил к расспросам. К его досаде безделицы в ломбарде не оказалось. Приперев сотрудника к стенке, Чаров выяснил следующее. Зная наперед, что Князь не будет выкупать брошь – вещицу весьма занятную и дорогую, приемщик продал ее некому господину, регулярно посещавшему ломбард с целью приобретения невыкупленных и понравившихся ему предметов.

– А что оная брошь, возможно, украдена, вас, сударь, не смутило? – возмущенно воскликнул Чаров.

¹³ Частный ломбард на Владимирском проспекте, дом 17 был открыт в 1870 году, спустя три года после описываемых событий, да простят автора историки-краеведы, а государственная СПб ссудная казна, принимавшая под залог ценные предметы, находилась в то время на Казанской улице.

– На ней подобное не написано! – нагло бросил приемщик, но, столкнувшись с гневным взглядом следователя, опустил глаза.

– Допустим, – Чаров хотел было упомянуть про выгравированную на броши дату, но какая-то сила удержала его.

– Покупатель, кажись, что-то проронил насчет некоей Наденьки, а может, Катеньки. Очевидно, кому желал преподнести безделицу. Каюсь, имени не упомянул, – суматошно поправляя очки на переносье, оценщик пытался заглянуть Чарову в глаза.

– Вот что, милостивый государь. Коли не желаете, дабы ваши проделки с приемкой закладов, кои никогда не будут выкуплены, и их последующими продажами третьим лицам не стали достоянием хозяина заведения, предлагаю открыть мне личность покупателя броши.

– Э-э-э... – заменжевался оценщик и, сняв очки, начал лихорадочно тереть переносицу. – Это наш давний клиент, богатый молодой человек, и я не хотел бы, чтобы его имя было опорочено, господин следователь, – часто моргая, умоляюще заблеял приемщик.

– Кем бы он ни был, его личность меня не интересует, и я не имею намерений его компрометировать, клянусь честью! Мне нужна брошь. Брошь и только брошь!

– Что ж, тогда оно, конечно, извольте, – обреченно опустил голову оценщик. – Самуил Соломонович Поляков выкупил интересующую вас безделицу третьего дня.

Спустя полчаса Чаров вошел в особняк Кочубея на Фонтанке и поднялся по парадной лестнице. По уговору с министром внутренних дел, Шувалов проводил совещание с чиновниками-перлюстраторами, один из которых знакомил шефа жандармов с содержанием письма купца первой гильдии Полякова, адресованного министру почт и телеграфов графу Толстому. Поляков благодарил графа за оказанное содействие в получении подряда на строительство Козлово-Воронежской железной дороги и обещал ее акции на полмиллиона рублей.

Очевидно, сама должность графа в представлении Полякова должна была обезопасить его корреспонденцию от внимания черного кабинета¹⁴, поэтому концессионер доверил бумаге то, что следовало передать министру на словах. Впрочем, Шувалова занимало совсем иное. В ответном послании Толстой настоятельно рекомендовал своему протеже ввести в члены правления железной дороги старого князя Долгорукова. «Как стало известно, – туманно сообщал он, – при Дворе большие перемены. Юная княжна Долгорукова ноне в фаворе. А посему расположение ее отца будет вам весьма на руку».

Будучи самым информированным человеком в империи, Шувалов знал, что министр Толстой не состоял в друзьях почтенного отца княжны Екатерины Михайловны. «Стало быть, всегда держащий нос по ветру Павлин Матвеевич¹⁵ прознал о положении князя и посредством Полякова хочет угодить его разорившемуся семейству», – рассуждал шеф жандармов, глядя поверх агента.

По окончании сообщений перлюстраторов дежуривший в приемной адъютант провел Чарова в кабинет графа.

– Вот напасть, однако, – хмуро пробурчал Шувалов, выслушав Сергея.

– Посему я и осмелился беспокоить ваше высокопревосходительство на предмет дальнейших действий в отношении Полякова. Как-никак, а фигура он... в обществе вес имеющая, – на мгновение он запнулся и не сразу нашел нужную дефиницию в отношении концессионера. – На кривой козе не объедешь.

– Попался бы он мне пару годков ранее, я б его в бараний рог скрутил, а ноне уж поздно! В воротилы железнодорожного дела оный господин выбился. Министр Толстой ему протежирует, а его коллега по путям сообщения Мельников всячески содействует. Да и Рязанский

¹⁴ Сотрудники МВД, занимавшиеся перлюстрацией. Вопреки расхожему мнению, Третье отделение СЕИВк лишь указывало МВД, чья корреспонденция подлежит просмотру, но во вскрытии конвертов не участвовало.

¹⁵ Имя министра Толстого – Иван – великосветские остряки переделали в «Павлин» из-за уморительно-высокомерной манеры графа держаться на публике.

губернатор Стремоухов, сделавшись председателем правления Рязанско-Орловской железной дороги, его не забывает. Ловкий жид, одним словом.

«А история с княжной вылезла-таки наружу», – мрачно подумал граф и, процедив нечленораздельное «м-да», уткнулся в Чарова тяжелым взглядом, отчего коллежскому асессору стало не по себе.

– Полагаете, оставить все как есть? – севшим голосом спросил судебный следователь.

– Ни в коем разе! – энергично отрубил шеф жандармов и поднялся из-за стола. Пружинистой походкой граф прошелся по великолепному персидскому ковру, расprostертому по изумительному наборному паркету, и вернулся в кресло. – Посетите Полякова и предложите ему от имени весьма высокопоставленных особ, их личности открывать покамест рано, помощь в получении новых железнодорожных концессий. Его благодетель и покровитель Толстой отбыл на воды в Германию. А посему ваше появление в своих чертогах он встретит с воодушевлением. Впрочем, дабы не ставить вас в ложное положение, сошлитесь на меня, но весьма осторожно, как на возможного протагониста его интересов. Будучи прожженным дельцом, он непременно спросит, во что ему встанет ваше содействие. И тут вы вспомните про брошь, кою желали бы получить в качестве залога будущего сотрудничества. Расскажите ему про ломбард, и он оценит ваше значение. Здесь я даю вам карт-бланш. Украденная брошь – подарок государя. Безделица должна непременно оказаться у вас, а уж мы придумаем, как ловчее вернуть ее Долгоруковой.

Глава 4. Купец первой гильдии Поляков

Поляков пребывал в душевном раздрае. Снова и снова он вчитывался в письмо графа Толстого, где тот извещал благодарного протеже, что отправляется в Висбаден подлечиться. «Вот незадача!» – в сердцах сетовал Самуил Соломонович. «Отчего именно сейчас ему пришло в голову ехать, когда в Комитете железных дорог решается вопрос о продлении железнодорожной линии до Ростова», – искренне негодовал Поляков. Ему уже случалось оставлять куда более заслуженных конкурентов с носом, поначалу не принимавших его за серьезного соперника, однако сейчас ситуация в корне поменялась. Старые железнодорожные концессионеры фон Дервиз и фон Мекк, а также группа московских купцов во главе с Губониным и примкнувшим к ним купцом первой гильдии Кокоревым держали ухо востро и только ждали момента захватить упомянутый подряд и наказать наглого выскочку.

«А ежели его сиятельство задержится на водах до конца осени или, кибенимат, останется на зиму, не видать мне оный шахер-махер как своих ушей», – трезво оценивал ситуацию Поляков. «Может, и вправду засвидетельствовать почтение семейству Долгоруковых, тем паче, что услуга старому князю, о коей просит дражайший Иван Матвеевич, для меня дело плевое», – оглаживая аккуратно подстриженную бородку, размышлял Поляков, когда слуга доложил, что карета подана.

Он решил навестить своего петербургского знакомого и британского подданного Александра Кларка, женатого на сестре видных столичных юристов и интеллектуалов Утиных. Не застав лесопромышленника дома и выпытав у прислуги, что господа отбыли к отцу мадам, живущему на Галерной улице, он поспешил туда. Помимо четы Кларков, Поляков застал там остальных братьев Утиных, собравшихся на семейное чаепитие в квартире их почтенного отца – коммерц-советника и домовладельца Исаака Утина. Имея по соседству великолепный доходный дом на Конногвардейском бульваре, миллионщик делил кров с дочерью Любовью и ее мужем Михаилом Стасюлевичем – редактором и издателем популярного литературно-исторического журнала «Вестник Европы». Поскольку в этой же квартире располагалась и редакция журнала, появление незнакомого посетителя не смутило хозяев.

– Должно быть, кто-то из авторов прислал посылного с рукописью, – услышав звук входного колокольчика, бросил Стасюлевич родственникам и вышел к дверям.

– Вы от кого, милостивый государь? – обратился он к посетителю, пропущенному в переднюю горничной.

– Я собственно от себя, господин Стасюлевич. Купец первой гильдии Поляков, – отрекомендовался концессионер и протянул карточку. – Желаю сделать пожертвование на нужды вашего журнала, – по дороге на Галерную сочинил причину своего прихода делец.

– Вот как! Весьма неожиданно! – пробегая глазами визитку, с радостным удивлением воскликнул Стасюлевич. – Что ж, милости прошу в кабинет, – он сделал широкий жест в сторону полуоткрытой двери, пропуская новоявленного филантропа перед собой.

– Эти деньги, надеюсь, придется вам кстати, – достав шикарный, крокодиловой кожи портмоне, Поляков отслонявил несколько банкнот.

– От имени редакции «Вестника Европы» приношу свою искреннюю благодарность, господин Поляков, – убирая кредитки в стол, по обеим сторонам которого громоздились две стопки рукописей – прочитанных и еще ждавших своего часа, заявил искренне взволнованный Стасюлевич. – Никак не предполагал, что публикации нашего журнала найдут отклик в сердце делового человека.

– И, поверьте, живейший! Имел удовольствие прочитать помещенное в последнем номере «Вестника» письмо вашего корреспондента о Всемирной выставке в Париже. Изложено весьма дельно и основательно.

– Ах да, конечно. Мы внимательно следим за ходом выставки, – с энтузиазмом подхватился главред. – И будем непременно освещать эту тему далее. В ближайшем номере вы увидите второе письмо из Парижа означенного корреспондента.

– Буду ждать с нетерпением. Не смею вас более задерживать, господин Стасюлевич, но у меня будет к вам просьба... – понимая, что хозяин кабинета не собирается приглашать его в комнаты, Поляков делано заменжевался.

– Говорите, я к вашим услугам, – издатель участливо склонил голову и, запустив пальцы в окладистую темно-русую бороду, приготовился слушать.

– Желал бы перемолвиться парой слов с присутствующим у вас господином Кларком. Мы давно знакомы, я заезжал к нему с час назад, и ихняя прислуга меня уведомила, что он отбыл к вам.

– О чем речь! Я сейчас же приглашу его сюда, и вы приватно побеседуете, – энергично поднялся из-за стола главред и вышел из кабинета.

В отсутствии хозяина Поляков огляделся. Кроме редакторского, за которым только что сидел Стасюлевич, в комнате стояли еще два стола, заваленных бумагами, поверх которых лежали распечатанные конверты. Вдоль стен возвышались, подпирая потолок, массивные книжные шкафы, за стеклами которых проглядывались издания Д. А. Ровинского¹⁶ и связанные в пачки тома. Пепельницы на низких подоконниках, окна которых выходили в узкий затемненный двор, были полны окурков, да и в самом кабинете царил курительный дух. «Похоже, горничная не успевает их выбрасывать», – заметил концессионер и задвигал ноздрями, пытаясь угадать сорт табака.

«Александр Феликсович, голубчик, не сочтите за труд, я должен вас ангажировать на минуту», – послышалось в коридоре, и через считанные мгновения слегка озадаченный Кларк предстал перед Поляковым.

На следующее утро в фешенебельный апартамент гостиницы «Демут» постучали.

– Не скрою, ваше предложение меня заинтриговало, господин коллежский ассессор, однако с брошью вынужден отказать. Она безделица предназначена одной даме, и не в моих правилах изменять своим намерениям, – удобно развалясь в кресле с затейливым резным вензелем и мерно покачивая носком башмака, неожиданно уперся делец.

– Содействие в получении железнодорожных концессий вы ставите ниже какой-то там броши?! – горя негодованием, подался вперед уязвленный в самое сердце судебный следователь.

– Разумеется, нет. Но коли вы желаете непременно получить ее, стало быть, она безделица всяко не какая-то там, а даже напротив, немалую ценность имеет, – с хитроватым прищуром глянул на него Поляков.

– От ломбардного приемщика мне известна ее стоимость, – презрительно скривил губы Чаров.

– Сдается, приобретенная мною вещь имеет иную ценность, к примеру, памятную, – Поляков многозначительно повел бровями.

«Ах ты, прохвост! Узрел выгравированную на броши дату, а может еще что пронюхал, и теперь подло торгуешься со мною!» – посетовал Сергей и, сделав отстраненно-печальное лицо, решил проверить свою догадку.

– На недавней парусной регате, кою устраивал столичный яхт-клуб, что на Крестовском острове, она безделица была утеряна одной высокопоставленной особой. Пропавшая брошь, как вы справедливо и прозорливо заметили, весьма дорога ей, однако ж, в виду определенных и весьма приватных обстоятельств, она не желает огласки, – окинул собеседника лстивым

¹⁶ Разработчик судебной реформы 1860-х годов, видный юрист и историк искусства.

взором он. – А посему заявлять в полицию или помещать объявление в газете о ее пропаже не стала, – шел ва-банк Чаров.

– Ни это ли обстоятельство побудило вас проверить ссудную казну, в надежде, что нашедший отнесет брошь туда?! – нервно теребя бородку, ехидно лыбился Поляков.

– И частные ломбарды тоже, – едва подавляя раздражение Чаров.

– Положим, я готов пойти вам навстречу и изменить своим намерениям, хотя повторяю – это не в моих правилах, – Поляков рассудил, что довольно набил себе цену и теперь самое время сдать назад. – Я уступлю вам безделицу за те же деньги, что уплатил в ломбарде, – глаза деловара излучали трогательное бескорыстие.

– Раз так, я ее у вас выкуплю, хотя по совести, она должна быть возвращена законной владе... – осекся на полуслове Чаров. Ему вовсе не улыбалось уступать свое место Полякову и позволить тому вручить брошь княжне. – Однако... – он стал лихорадочно прикидывать, сколько у него при себе наличных.

– Однако вы не готовы немедля уплатить, – на лице концессионера расплылась саркастическая ухмылка.

– А что мешает вам передать мне брошь в качестве залога наших будущих деловых отношений? – вспомнил совет шефа жандармов судебный следователь. – Слово дворянина, все, что я имел вам сказать, истинная правда.

– Охотно верю, господин Чаров, однако ж, согласитесь, я имею удовольствие впервые вас видеть. К тому же ваши заверения на предмет содействия высокопоставленных особ моим интересам пока что не более чем пустые фразы, неподкрепленные, пардоне муа, ничем. И наконец, как вы изволили недоговорить, – последнее слово он произнес с расстановкой. – Ежели судить по совести, я должен передать вещицу ее законной владелице, – с самодовольной миной расставил точки над і Поляков.

– Касаемо высокого содействия, я дал вам слово дворянина! – вспыхнул судебный следователь.

– Не горячитесь! – твердо стоял на своем Поляков. – Либо вы сейчас выкупаете брошь, либо я преподнесу ее кому пожелаю. Впрочем, можно по-другому решить наш спор, – загадочно улыбаясь, он подошел к окну и задернул драпировку. – Коли вы поклялись словом дворянина, представьте мою скромную персону кому-нибудь из высокопоставленных особ, кои выразили согласие помогать мне, и я безвозмездно отдам вам брошь, – загадочная улыбка сошла с его лица, и он смиренно потупил взор.

– Я извещу о вашем желании... кого следует, – заставил себя повременить с раскрытием личности шефа жандармов коллежский ассессор. Едва сдерживаясь, чтобы не плюнуть в хитрющую физиономию дельца, пунцовый от возмущения, Чаров покинул шикарные апартаменты Полякова и, наняв дежуривший возле парадного подъезда экипаж, отправился к камелиям¹⁷ на Потемкинскую.

Оставшись наедине, Самуил Соломонович достал из потайного ящика палисандрового бюро приобретенную у оценщика брошь. Вдосталь налюбовавшись ею, он спрятал безделицу и, подойдя к окну, проводил взглядом тронувшуюся по набережной Мойки коляску. Концессионер был доволен. Не продешевил с Чаровым и свел знакомство с Утиными. Выйдя в переднюю после разговора с Кларком и приняв цилиндр от горничной, он был неожиданно перехвачен гостеприимным хозяином. «Мой тесть, Исаак Осипович, желает выразить вам свое восхищение, месье Поляков», – мягко потянул его за локоть Стасюлевич и проводил в гостиную, где тот был представлен всему семейству.

«Люди они известные, в обществе вес имеют, да и связи их с заграницей большой плюс для меня, – с недавних пор он вынашивал планы завязать контакты с Ротшильдами и нуждался

¹⁷ Проститутки высшего пошиба, некоторые из которых становились содержанками влиятельных особ и нуворишей.

в рекомендациях. Узнав от Кларка, что один из братьев Утиных¹⁸ проживает в Женеве как политэмигрант и одно время сотрудничал (а может и до сих пор сотрудничает!) с Герценом, Поляков задумался.

«Ведь это тот самый Герцен, кой передал свой капитал в управление Ротшильдам и хорошо знаком с бароном Джеймсом – главой французской ветви семьи. А ведь он тоже что-то там издает. Не повторить ли мне трюк с пожертвованием и предложить господину Герцену денег на его газетенку? Нет, пожалуй, это уж слишком, да и доброхоты мои не дремлют. В одночасье обвинят в связях с революционерами, да и сам Герцен, как говорят, человек щепетильный и покамест состоятельный. Впрочем, подождем ответа из Лондона. Как уверил Кларк, он сообщил обо мне тамошним Ротшильдам».

Мысль сойтись с родом знаменитых банкиров весь оставшийся день не давала покоя Полякову и превратилась в идею фикс. Он строил множество комбинаций и по очереди отвергал их, пока сгустившиеся сумерки не подсказали ему, что он еще не обедал. «А все ж таки недурно, что я вчера к Утиным заехал, наплевав на светские порядки. Впрочем, они мне, как не крути, ровней будут, ежели, конечно, их ученость в расчет не брать», – с горечью подумал о недополученном образовании¹⁹ Поляков. «А с пожертвованием ловко получилось. Правда, обошлось оно недешево. Ну да ладно, глядишь, и окупится», – зная счет деньгам, на сон грядущий размышлял деловар.

¹⁸ Николай Утин, приговоренный в России к смертной казни за революционную деятельность. В описываемое время решительно разошелся с Герценом, став ярым сторонником К. Маркса.

¹⁹ Самуил Поляков получил лишь начальное образование.

Глава 5. Хороша Маша, да не наша!

– Вы умеете держать слово, господин Чаров, но и я от своих обещаний не отступаю, так что брошь ваша, – с этими словами Самуил Соломонович извлек из внутреннего кармана сюртука завернутую в шелковую салфетку безделицу и положил ее на колени судебному следователю, едва они сели в карету после аудиенции у Шувалова. Граф согласился на эту встречу без особого восторга, и Сергею пришлось напомнить шефу жандармов о карт-бланш и возможности сослаться на него в случае крайней необходимости.

– Премного благодарен, месье Поляков, – развернув шелк, улыбнулся судебный следователь. Едва поднеся брошь к глазам, он принялся подробно рассматривать вещицу, как брови его нахмурились, а лицо исказила гримаса отчаяния. – Это не та брошь! Похожая, но не она! Гляньте! Здесь нет выгравированной даты, а на той, что утеряна на регате, было выбито «30 мая», – повернув безделицу замком вверх, втолковывал Сергей неприятную истину ошеломленному концессионеру.

– Не может быть! Клянусь мамой, именно эту вещицу я выкупил в ломбарде! Поедемте туда, господин Чаров. Я предъявлю брошь оценщику и, уверен, он подтвердит, что продал ее мне, – приказав кучеру ехать на Владимирский проспект, Поляков откинулся на сидение и стал нервно вытирать платком выступивший на лбу пот. Чаров только кусал губы и яростно сжимал в кулаке костяной набалдашник трости.

Служителя на месте не оказалось. Вместо него в окошке маячил благообразной наружности старичок в суконной блеклой поддевке и седыми, под ее цвет усами, пессимистично смотревшими вниз.

– Захворал Порфирыч, третий день как заместо него тут сижу, – натужно кряхтя, посетовал старичок и, сообщив адрес оценщика после красноречиво положенной перед его носом кредитки, исчез за прилавком.

– Полагаю, дома его мы теперь вряд ли застанем, – задумчиво протянул Поляков, поднимаясь вслед за Чаровым по выщербленным ступеням ломбарда.

Квартирная хозяйка подтвердила его догадку, тогда как опрошенный дворник показал, что не видел постояльца с прошлой недели.

– Как пришед в пятницу со службы, из квартиры не выходили-с, а рано поутру приезжал-с извозчик и они-с на нем укатили-с...

– Вещи, узлы какие при нем находились?

– Без вещей он был-с, ваша милость, – недоуменно качая головой, глухо пробубнил дворник.

В квартире – скромной непритязательной мебелирашке – беспорядка не наблюдалось. Одежда Порфирыча аккуратно висела в шкафу, столовое серебро, состоявшее из дюжины вилок, ножей и ложек пребывало на своем месте в буфете. Правда, выходного сюртука на красной генеральской подкладке и новых яловых сапог хозяйка не обнаружила.

– Съехал да не заплатил, обманщик! – картинно заломив руки, запричитала она, попеременно косясь то на буфет с серебром, то на шкаф с одеждой. Наблюдая украдкой за ужимками женщины, Чаров взглядом уткнулся в пол. Под обеденным столом, возле его вогнутой ножки, сверкал и переливался крупный рубин, оправленный в тяжелый золотой перстень.

– А вот это уже любопытно! – воскликнул он, доставая находку из-под стола. – Я приобретаю сей предмет к делу, сударыня, – к нескрываемому разочарованию хозяйки, он опустил драгоценность в карман.

– К какому делу?! – жалостливо всхлинула женщина, провожая перстень алчущим взором.

– К делу исчезновения мещанина Трегубова, мадам. Квартиру придется опечатать и известить полицию, – Сергей выразительно посмотрел на дворника.

– А история презанятная, – с философским спокойствием изрек Поляков, залезая в карету. – Порфирьич определенно имел свой гешефт, придерживая у себя невыкупленные и особо ценные вещицы.

– И сбывал оные уже по новой цене и солидным клиентам, – подхватил мысль Полякова судебный следователь.

– Ссужал отчаявшимся людям, в лучшем случае, треть от реальной стоимости залога, а то и этого не давал, а когда появлялся подходящий клиент на невыкупленную безделицу, сбывал ее задорого, дабы покрыть издержки ломбарда да самому в накладе не остаться, – имея в виду себя, умолк на минуту Самуил Соломонович. – Предположу, он своими средствами обходился, поскольку на низкую цену залога уговаривался.

«Надобно справиться у дворника, что за люд к Порфирьичу хаживал. Сдается, на квартире своей он подпольный ломбард держал. Да и брошь, что Полякову продал, получается, не от Князя. Стало быть, Журавский ее вовсе не ему заложил, а мне на Порфирьича показал. Видать неспроста. Хотел следы замести да оценщика, кой ни сном ни духом, в аферу свою вплесть. Но кому в таком разе он ворованную брошь продал? И чью безделицу Порфирьичу скинул?»

– Когда деньги нужны до отчаяния, как вы справедливо заметили, месье Поляков, будешь сговорчивым.

– Однако ж как нам теперь быть? – делец не на шутку обеспокоился за свои концессионные перспективы.

– Договоренности с вами будут неукоснительно исполняться, месье Поляков. Тем паче они подтверждены графом. А до того, что оценщик оказался скотиной и вором, не ваша в том вина. Вы деятельно пособляли установлению истины, и я непременно уведомя об этом его высокопревосходительство.

Глава 6. Убийство в гостинице

Расставшись с Поляковым возле Окружного суда, Чаров поспешил в присутствие, где его ожидала записка от Блока. «Приезжайте ко мне вечером на Вознесенский, есть новости».

– Вот те раз! Никак не гадал, что так дело повернется, – заполошно глядя на полицейского чиновника, воскликнул Чаров, устраиваясь с чашкой чая в кабинете хозяина.

– И черт меня дернул его выпустить!

– Вы здесь ни при чем. Это же я пообещал Журавскому, что в арестантской он не задержится, да и законных оснований его держать у нас не было. Выходит, недолго он на воле погулял, как был убит.

– И пары дней не прошло, как застрелен в самое сердце, господин Чаров. Коридорный показал, что Князь заселился в «Знаменскую» гостиницу в понедельник, то бишь вчера, во втором часу пополудни, приказал принести себе обед в номер, после чего уехал. Швейцар хорошо запомнил наружность Князя и подтвердил слова коридорного.

– На предмет следов дознания на его физиономии швейцар, часом, ничего не проронил?

– Полагаю, Журавский их свел примочками аль мазями какими. Иначе по городу бы не таскался в компании с дамой, – без колебаний заявил Блок.

– С дамой? – заинтересованно выгнул брови судебный следователь.

– Опрошенный мною портье показал, что Журавский вернулся в шестом часу в щегольском экипаже и с особой почтенного возраста. По утверждению коридорного, та пробыла в его номере до семи часов, после чего покинула гостиницу. Швейцар, правда, не может сказать наверняка, что видел ее на выходе, но коридорный заверил, что сопровождал эту даму, она, кстати, прихрамывала, до самого вестибюля.

– Стало быть, Журавский не пожелал самолично проводить увечную старушку?

– Стало быть, не пожелал, – Блок растерянно передернул плечами. – Кстати, портье тоже не припомнит, чтобы дама покидала гостиницу.

– Покрутилась в вестибюле и вернулась к Журавскому? – вскинулся Чаров.

– Наверняка не скажу, однако коридорный ее уж не видал более, – с сомнением заключил полицейский чиновник.

– Дамочка, видать, ушлая, мог и не заметить, – Сергей замолчал, задумался. – Ну, а далее? – слегка прокашлявшись, спросил он.

– Отужинал в номере, опосля опять же в номер бутылку токайского из ресторана потребовал да попросил разбудить его в половине осьмого, коли сам не встанет. Сказал, что должен поспеть к московскому поезду.

– Собрался в Первопрестольную?

– Кого-то на вокзале намеревался с утраца встретить. Когда же утром коридорный постучался и, не дождавшись ответа, вошел, застал Журавского бездыханным. Тело лежало поперек разобранной постели и было совершенно обнажено. Следов борьбы и насилия замечено не было. Буде пожелаете, можем до Мариинской больницы прокатиться, труп в тамошней мертвецкой обретается.

– Ежели в том возникнет нужда, завтра самолично туда загляну. М-да, сюрприз так сюрприз, – прихлебывая чай, морщил лоб Чаров. – И ко всему прочему приемщик ломбардный исчез, – в одночасье помрачнел судебный следователь.

– Полагаете, он Князя порешил?

– Не исключаю, однако Журавский был дворянином, пусть и скурвившимся. Убит же он, как вы изволили упомянуть, не по-воровски, не зарезан, а благородным манером, из пистолета. Едва ли его оценщик застрелил. Не по чину ему, да и жидковат он для такого дела. Полагаю,

не свои людишки Князя к смерти приговорили. И что за дама к нему в номер таскалась? – скомкал салфетку Чаров.

– В вещах покойного обнаружили блокнот и, кроме небольшой суммы в несгораемом шкапу, всевозможные коммерческие бумаги. Закладные векселя, облигации второго государственного пятипроцентного займа за прошлый год, ценные бумаги железнодорожных обществ и даже американские акции, кои с прочими предметами, взятыми у Князя в номере, на Большую Морскую доставлены. Кстати, при обыске американский револьвер системы Ремингтона под ковром спальни нашли, а когда его в «Доминике» повязали, при нем французский лефшоше был, кой я Князю не отдал, – признался полицейский чиновник.

– Прелюбопытное известие. Выходит, оным ремингтоном Журавский перед тем, как заселиться в «Знаменской» гостинице, обзавелся.

– Или в самой «Знаменской», – предположил Блок. – А может, в оружейном магазине купил. Экземпляр совершенно новый и, судя по отсутствию нагара в дуле, ежели из него и стреляли, то тут же прошлись по дулу шомполом.

– Однако подобный ремингтон в оружейной лавке приобрести все же затруднительно, ежели только по заказу, – озадачился Чаров. – Насчет же бумаг его, полагаю, что краденые, а вот на векселя надо бы глянуть. Что за имена на них проставлены?

– На одном векселе, кой разорван, его имя указано, господин Чаров. И вексель тот не просроченный.

– Видать, деньги, взятые по нему, ранее уплатил, а может, услугу какую заимодавцу оказал, – сомнения снесли Сергея. – Шикарная жизнь больших расходов требует, а вот блокнотец его я бы полистал.

– Милости просим. Приезжайте к нам на Большую Морскую да полистаете.

– Не премину воспользоваться вашим любезным приглашением, господин Блок. И вот еще что. Неспроста приемщик с квартиры столь спешно съехал, едва я прищемил ему хвост в ломбарде. Завтра вдругорядь опрошу дворника по месту жительства Трегубова, а вы разыщите подельника Князя Ваньку Решетова и, ежели удача вам улыбнется, допросите его, как вы умеете. Нужны любые подробности о Журавском, любые, пусть и самые, навскидку, пустые. Иван покамест единственная ниточка, не оборвите ее ненароком, – предостерегающе поднял вверх указательный палец Чаров.

– Знакомства Журавский водил обширные, а коли позвал Ваньку на шухере стоять да обещал на другие дела брать, значит, доверял ему и мог, при случае, что-нибудь да сболтнуть. К тому же в «Знаменскую» гостиницу он заселился в день своего убийства в понедельник 23-го, а допрежь на Пантелеймоновской улице жительствовавал.

– Стало быть, Князь, как вы его выпустили, по старому адресу лишь пару ночей провел.

– Может и не одной. Дворник на Пантелеймоновской его 21-го не видал вовсе. Правда, сообщил, что по субботам, как истинно русский человек, он завсегда в баню ходит.

– А после баньки ему уже не до Князя было, а там и воскресенье, глядишь. Понимаю, иные дела его занимали, – весело улыбнувшись, предположил о характере проведенного досуга дворником судебный следователь.

– Опрошенная мной дворничиха также не видала Журавского в означенные дни, – не поддержал умозаключений Чарова на предмет трезвости охранителя домашнего порядка полицейский чиновник.

– Стало быть, куда после ваших хором Журавский подался, покамест неизвестно?

– Разве что, от любопытствующих глаз хоронясь, по прежнему адресу обретался, иных предположений не имею. Обыска на его квартире еще не делали, однако, буде пожелаете при оном присутствовать, приезжайте завтра на Пантелеймоновскую в третьем часу пополудни, а после к нам поедем бумаги его глядеть.

– Превосходно, господин Блок. Так и поступим. А ведь неспроста Князь в «Знаменскую» гостиницу подался. Опосля ареста не желал на прежнюю квартиру носа казать.

– Полагаю, по какой-то известной ему одному причине пребывать там опасался.

– Судите верно, господин Блок, и я на вас, как всегда, рассчитываю, – допив свой чай, Сергей распрощался с чиновником Сыскной полиции.

После задержания Князя в ресторане «Доминик» и препровождения их обоих на Большую Морскую Иван чувствовал себя не в своей тарелке. Он боялся, что Князь догадается, по чьей милости им заинтересовалась Сыскная полиция, поэтому решил залечь на дно, выждать и оглядеться. Ни Вяземская лавра, ни дом де Роберти, ни Яковлевка – известные пристанища криминального элемента – для подобной цели не годились, и он снял грошовую комнату на Петербургской стороне возле Сытного рынка. А дабы быть в курсе новостей воровского мира, захаживал в тот самый трактир у Пяти углов, в котором, он знал это наверняка, Князь бывать не охотник. Там-то он и услышал о его убийстве, там же его и разыскал Блок.

– Думаешь, раз Князь покойник, ты ноне птица вольная, сам себе кум королю и хорониться тебе уж не надобно? – вопрошал Ваньку переодетый мастерским полицейский чиновник, когда они вышли из заведения.

Дабы тот не дал деру, Блок цепко держал парня за локоть и, поравнявшись с ожидавшей его каретой, затолкнул в экипаж.

– По твоим плутовским глазам вижу, что слова мои в яблочко попали, – панибратски похлопав воришку по тощему плечу, сыскар весело подмигнул Решетову. – А теперь поразмысли да слова мои услышь, чай не дурак. – он решил действовать убеждением и заставить подельника Журавского осознать смертельную опасность его положения. – Коли не хочешь судьбу Князя разделить и в покойнице с перерезанным горлом на лавке али полу хладном валяться, вспомни, что о нем знаешь, даже самое неважное. Не ты вы персону обворовали, да и Порфирийчик, оценщик в ломбарде, кому Князь ту безделицу отнес, будто в воду канул. На квартире у него бедлам, все верх дном перевернуто. Не приведи Господь, и за тобой те убивцы придут, – от души сгустив краски и не забыв истово перекреститься, участливо глядел на побледневшего вора полицейский чиновник.

– Да я што, я завсегда готов, тока я ж тогда ужо все вам рассказал, што таперича сказать-то про Князя вам можно? – беспрестанно хлопая белесыми ресницами, лепетал струхнувший Ванёк.

– С начала самого и зачни, когда впервой о Князе прослышал.

Пока Блок занимался Решетовым, Чаров вновь опросил дворника по месту жительства оценщика и имел разговор с околоточным. Но прежде он наведлся в покойницкую и осмотрел тело убитого Князя.

«Судя по входному отверстию, стреляли с близкого расстояния, считай в упор», – прикидывал он, когда услышал позади себя уверенный мужской голос.

– Извлеченная из тела пуля менее полутора золотников весом, под патентованный кольт подходит, – протянул ладонь с кусочком свинца эскулап.

– Вы вскрывали тело?

– Удостоился сей сомнительной чести, господин судебный следователь.

– Можете сказать, когда наступила смерть?

– Ежели исходить из общей одеревенелости тела, состояния зрачков и ригидности жевательных мышц, а также трупных пятен... – врач на мгновение задумался, – сентября двадцать третьего дня в девятом часу пополудни он богу отдал свою грешную душу, – убежденно заключил он.

– Давненько в Мариинской больнице практикуете?

– Вот уж пятый год скоро минет.

– А допрежь?

– Служил полковым лекарем на Кавказской линии, да и в Севастополе довелось врачевать.

– Стало быть, в пулевых ранах толк знаете?

– Богатый опыт имею, отчего и берусь утверждать о принадлежности означенной пули пистолету-револьверу системы Кольта.

– Имеете еще что сказать? – видя, что тот не торопится покидать мертвецкую, Чаров поощрил его.

– На простыне, в кою было завернуто доставленное из «Знаменской» гостиницы тело, присутствуют несомненные следы семенной жидкости.

– Но прошло столько времени?! Каковы основания утверждать подобное?! – оторопелый взгляд судебного следователя уткнулся в лекаря.

– Весьма нехитрая процедура. Я самолично распеленывал труп, а посему обратил внимание на оный казус.

– Полагаете, это была э-э-э... та самая жидкость?

– Уверен, – эскулап энергично мотнул головой. – Разумеется, ежели рассмотреть под микроскопом, суждение мое будет выглядеть куда убедительнее. Но, поверьте, и под обычной лупой все и так ясно. – С этими словами он открыл стоявший в углу мертвецкой вместительный деревянный короб и, вручив Чарову лупу, извлек простыню. Некоторая затверделость материи в местах, им указанных, а также вид самих пятен указывали на справедливость его вердикта.

Показания дворника, с коим Сергей побеседовал спустя час, укрепили его подозрения, что ломбардный приемщик продолжал работу на дому и брал заклады вне службы. На его квартиру постоянно таскались сомнительные личности, а огонь у Порфирыча зачастую горел до первого часу ночи. Однако более других Чарова обрадовал околоточный, вынужденный открыть, что его родной брат, несший службу городовым на Крестовском острове, приятельствовал с Трегубовым. Посетив тамошний полицейский участок, он признал в брате околоточного того самого городского, который дежурил в день воскресной регаты и, прогуливаясь возле клубной дачи, стал невольным свидетелем, а потом и непосредственным участником поисков пропавшей броши княжны Долгоруковой.

– Стало быть, когда последний раз видел Трегубова, ты ему сообщил об утерянной безделице? – вытащив служивого на воздух, принялся за расспросы Чаров.

– Было дело, ваше высокоблагородие, однако ж в том вины за собой не имею, поелику многие из публики оное происшествие, то бишь розыски броши, наблюдали.

– Никто тебя ни в чем таком не винит, я лишь спрашиваю, о чем ты говорил с Трегубовым на предмет утерянной безделицы.

– Рассказал, как дело было, и вся недолга. Да он, кажись, не больно ею интересовался, больше на водку налягал да селедкой, что посочнее, закусывал. Горазд он больно пожрать да выпить на дармовщинку, – городской шумно высморкался.

– Значит, ты его угощал?

– Моя очередь, куда денешься!

– А после, куда изволили податься?

– Опосля трактира Порфирыч к себе зашел, а я к жене на боковую. Штой-то меня на последней косушке развязло.

– Ежели что еще вспомнишь, вот моя карточка. За сведения верные не обижу, – бросил на прощание Чаров, всучив полтину серебром враз размякшему стражу порядка.

Обыск уже шел, когда он появился в комнатах Журавского на Пантелеймоновской улице. Извлеченная из ящика письменного стола толстая тетрадь белой кожи привлекла внимание судебного следователя. Содержавшиеся в ней записи представляли собой сокращенные наименования или чьи-то имена, против которых стояли даты и цифры.

«Прямо-таки гроссбух счетовода», – с разочарованным видом хотел было закрыть тетрадку Сергей, когда, пробежав внимательным взглядом записанное за сентябрь, наткнулся на следующую аббревиатуру. «Жл. Бр. Воскр. 15 сентября». «Бр. может и есть та самая брошь княжны? Ведь Князь ее слямзил в день парусных гонок, иначе в воскресенье 15 сентября. Но что тогда означает Жл.?» – недоумевал Чаров.

В блокноте Журавского, кой он проглядел в Сыскальной полиции, картина была схожая. Аббревиатуры и даты. «А вот и тот, кого Князь собирался встретить на Николаевском вокзале! «Инок Тать. Ник. вок. Вт. 24 сентября». «Тать это же вор. Так их называли во времена Грозного и царя Алексея Михайловича. Но здесь «Тать.» прописано с точкой, стало быть, сокращение. И, возможно, от имени Татьяна. А ежели допустить, что «Инок» это инокиня, тогда инокиня Татьяна не дождалась Князя на перроне Николаевского вокзала во вторник 24 сентября. Только отчего после слова «инок» точка не проставлена? По торопливости ли?» – задумчиво вздохнув, Чаров вернул блокнот полицейскому чиновнику.

Глава 7. Шерше ля фам

Коридорный не сказал ничего нового, зато швейцар «Знаменской» хорошо запомнил внешний облик пожилой особы, явившейся в гостиницу с Журавским.

– Лица белого, волосы седые из-под шляпки выбивались, нос слегка вздернут, а глаза голубые, веселые, сразу и не признаешь, что старушка.

– А вдруг та дама и взаправду не старушка? – бросил наудачу судебный следователь.

– Не старушка, да как же-с? – недоуменно протянул швейцар и задумался. – Волосы седые... да и сама вся в черном-с, а вот лицо, пожалуй, не старое, без морщин-с, гладкое. Когда дверь-то им открывал, ветерок-с вуальку с лица-то ее приподнял-с, я и подметил, что не тово-с... – окончательно запутался он.

– Иными словами, тебе показалось, что бывшая при том господине дама не так стара, как желала выглядеть? – ухватился за его признание Чаров.

– Пожалуй, так-с. Да и хромала-с она как-то странно, – с озадаченным видом вспоминал швейцар.

– Не натурально, что ли? – подсказал судебный следователь.

– Точно так-с, не натурально!

– А как выходила та дама, не припомнишь?

– Затрудняюсь, – растерянно покачал головою швейцар.

Вернувшись на Литейный в присутствии Чаров нашел на своем столе запечатанный красным сургучом конверт с фамильным вензелем Несвицких. То было послание князя с приглашением посетить его званый вечер на Николаевской набережной, на котором он намеревался объявить о своей помолвке. «Васенька Долгоруков с женой и мадемуазель Варвара непременно будут. Так что приезжай, любезный Серж, не прогадаешь».

В назначенный час Чаров появился у Несвицкого и был немедленно представлен невесте князя и ее матушке-баронессе, известной красавице ушедшего царствования и хозяйке светских тайн нынешнего. Несвицкий не пожалел денег и расстарался на славу. Его просторная барская квартира была убрана по парижской моде, с помпезностью и шиком салонов Второй империи. Цветы, в расставленных по углам корзинах, дополняли свисавшие с потолка гирлянды. Огромное, во всю стену зеркало, установленное в парадной гостиной, отражало хрустальный перелив горевших сотнями свечей люстр, с которыми соперничал блеск бриллиантов дамских туалетов и орденских звезд мундиров. Приглашенные официанты из «Золотого якоря» усердно потчевали гостей ледяным шампанским и фруктами, чудесные мелодии разносились по залу, где составившие квартет музыканты услаждали великосветскую публику темами из «Орфея» и «Парижской жизни».

Когда музыка смолкла, толпа подалась назад, и в образовавшееся пространство торжественно вступили счастливый жених и его избранница – худенькая востроносая барышня с едва угадывающейся грудью, большим приданым и влиятельной родней. Объявив о помолвке, князь нежно коснулся губами зардевшейся щеки невесты и, приняв под одобрительный гул и шелест кринолинов первые поздравления, кивнул музыкантам, и музыка возобновилась. Отдав дань этикету и дежурно расшаркавшись с парой значительных лиц, Сергей отошел в сторону и, подзвав официанта, с наслаждением осушил фужер. Тут его взгляд упал на двух похожих между собою молодых особ, стоявших против него. Ими оказались мадемуазель Варвара Шебеко и ее сестра княгиня Долгорукова.

– Рады вас видеть, месье Чаров, – воскликнула княгиня Софья, тогда как незамужняя Варвара принужденно улыбалась.

– Княгиня! Мадемуазель! – поочередно прикладываясь к дамским ручкам, с видимым энтузиазмом провозглашал он.

– Господин Чаров, мы с сестрой в затруднительном положении. Виновник торжества, а коли быть точным, его друг господин Мятлев, ангажировал моего мужа на несколько минут, однако прошла уж половина часа...

– Я сейчас же найду князя Василия и приведу его к вам.

– Весьма нас обяжете, господин Чаров, – заговорщицки переглянувшись с Варварой, поблагодарила княгиня Софья.

Васенька Долгоруков проводил время себе в удовольствие. Уединившись в буфетной, он развлекал себя приятным разговором и баловался коньяком в обществе господ Мятлева и Шварца, с коими познакомился на воскресной регате. Чаров хорошо знал обоих. Семейство Мятлевых владело исторической усадьбой на южном берегу Финского залива, куда любил ходить под парусом на своей «Мечте» Несвицкий в компании со Шварцем, состоявшим в одном с ним яхт-клубе. Доводилось бывать в Новознаменке и Чарову.

Будучи частым гостем князя, Сергей легко догадался, в каком уголке его необъятной квартиры обретается Долгоруков. Оказавшись в буфетной, он безошибочно понял, что новообетенные друзья пришли по сердцу Васеньке. Выпятив колесом грудь и поймав кураж под поощрительные реплики заинтересованных слушателей, князь разглагольствовал о преимуществах орловских рысаков и всячески хулил английских лошадей, напирая на их капризность и беспокойный нрав. Неожиданное появление в буфетной Чарова вызвало у разгоряченного увлекательной беседой и спиртным Долгорукова новый прилив дружеских чувств. Угостившись коньяком, Сергей попросил прощения у честной компании и под предлогом частного разговора увлек за собой Васеньку. Под благодарным взглядом княгини Софьи он свел супружескую чету и задержался на пару слов с заскучавшей Варварой.

– Прошу меня великодушно простить, мадемуазель, но князя Долгорукова было нелегко найти, – счел нужным оправдаться Сергей.

– Это вы нас с сестрой не обессудьте, что обеспокоили понапрасну. Князь не малое дитя, нашелся бы и сам, – прикрыла веером слегка выступавший подбородок Варвара, при этом ее хамелеоны глаза безучастно сверкали.

– Отнюдь, не обеспокоили и не понапрасну. Мы обсуждали лошадей, и его сиятельство показал себя их подлинным знатоком.

– Ах да, в этом он разбирается, – неприкрытое ехидство сквозило в ее словах.

– Как поживает княжна Долгорукова? То досадное происшествие на регате, надеюсь, уже забылось? – перевел разговор на нужную тему Чаров.

– Княжна весьма опечалена и до сих пор не может смириться с утратой броши.

– Очевидно, кто-то из толпы подобрал. Кабы поместить объявление...

– О, нет! – горячо запротестовала Варвара. – Я вам уж говорила, месьё Чаров, да вы и сами, пожалуй, знаете. Катя об том и слушать не желает.

– Что ж, может, найдется добрый человек... – неопределенно пробормотал он.

– На все воля божья! А сейчас прощайте, месьё Чаров, меня ожидают сестра с князем, – довольно прохладно кивнула ему Варвара и затерялась в толпе.

– Ну, как тебе на сей раз младшая Шебеко, дружище? – улучив минуту, не замедлил полюбопытствовать Несвицкий.

– Покамест затрудняюсь сказать, мон ами, однако ж явным успехом похвастаться не могу.

– Обыкновенное кокетство и игра в неприступность перерзевшей девицы. Советую усилить натиск. На той неделе, а может попозже предполагается раут в Новознаменке. Вольдемар уже позвал Васеньку с супругой. Полагаю, и предмет твоих вожделений с ними прибудет. Так что не отчаивайся, мон шер! – участливо улыбнулся князь и поспешил к невесте. Провожая взглядом Несвицкого, Чаров заметил Варвару, о чем-то оживленно секретничавшую с будущей тещей князя.

«Весьма занятно, однако! Я и представить себе не мог, что она коротко знакома с баронессой и может так запросто толковать с ней», – наслышанный о надменной чопорности женщины, искренне удивился Сергей. Еще более он удивился, если б увидел, с кем потом пообщалась мадемуазель Шебеко. По настоянию матушки, Несвицкий пригласил на помолвку отца Варсонофия, известного в свете целителя и провидца. Улучив удобный момент, когда священник остался в одиночестве, Варвара подскочила к батюшке и, испросив благословение, навела разговор на сновидения. Казалось, этот вопрос серьезно беспокоил ее.

– Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. А посему и во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним.

– Стало быть, не следует придавать значение своим снам, батюшка?

– Истину глаголешь дочь моя, – густым басом пророкотал отец Варсонофий, с ласковостью глядя на жаждающее боговдохновенных знаний чадо. – Не представляй себе случающихся во сне мечтаний; ибо и то есть в намерении бесов, дабы сновидениями оскверняют нас, бодрствующих, – довершил наставление священник и с чувством перекрестил Варвару.

Понятливая девица истово приложила к руке старца и с достоинством удалилась. Вопрос об опасности сновидений не сильно занимал мадемуазель Шебеко, куда более ее ум будоражила беседа с матерью невесты, баронессой Матильдой, доброй знакомой графини Блудовой – камер-фрейлины и близкой подруги императрицы. Впрочем, и сама баронесса была вхожа в узкий круг доверенных лиц Марии Александровны. Она и намекнула Варваре, что императрицу ждут неприятные сюрпризы, когда ее величество изволит возвратиться в столицу. «Стало быть, баронессе известно о прогулках государя с Катей в Летнем саду. Вездесущие соглядатаи донесли», – закусила губу Варвара²⁰, прикидывая вероятные последствия для себя дружбы с княжной.

После отъезда четы Долгоруковых и мадемуазель Варвары Чаров не стал засиживаться у Несвицкого и отправился к себе на квартиру. Отказавшись от ужина, принесенного Прохором из соседней кухмистерской, ибо кухня «Золотого якоря» была отдана на откуп князю, он выпил чаю и закрылся в кабинете. Изображавшая старушку дама, приехавшая с Журавским в «Знаменскую» гостиницу в день его убийства и загадочно оттуда исчезнувшая, бередила ум и воображение судебного следователя. Неожиданное появление Прохора прервало ход его мыслей.

– К вам господин Блок, барин, – доложил слуга и, не дожидаясь ответа хозяина, пропустил в кабинет полицейского чиновника.

– Покорнейше прошу прощения за позднее вторжение, господин судебный следователь, однако будучи по делам службы поблизости от вашей квартиры, счел возможным вас беспокоить, – на удивление церемонно начал свою речь полицейский чиновник.

– Решительно не беспокоили, сударь, всегда рад вас видеть, – Чаров указал на стоявший позади него низкий, орехового дерева, обитый кожей диван и, повернувшись вместе с креслом к гостю, приготовился внимательно слушать.

– Подельник Журавского Иван припомнил, что Князь водил знакомства с неблагонадежными, – повел головой полицейский чиновник.

– А поподробнее? – заметно напрягся судебный следователь.

– Поляками, господин коллежский асессор.

²⁰ Доподлинно не установлено, с какого времени Варвара Шебеко «заменила» собой княгиню Луизу Долгорукову в качестве компаньонки княжны Екатерины. В переписке Долгоруковой с императором ее имя впервые упоминается в 1870 году. Наша Вава, как именовал ее царь. Однако нельзя исключить, что Шебеко стала близка с княжной ранее, например, после женитьбы ее брата Василия Долгорукова на сестре Варвары – Софье. Известно также, что Шебеко, сама смолянка, не раз навещала в Смольном институте юную Екатерину, которую та называла тетя Вава.

– По его разумению, раз Журавский поляк, то и все прочие поляки, с которыми тот был дружен, враги государя? – Чаров не скрывал иронии, но посмотрев на серьезно-сосредоточенную физиономию Блока, немедля поменял тон. – Однако ж, памятуя недавнее покушение на августейшую особу государя, мы не вправе оставлять без внимания подобных признаний. Стало быть, Иван самолично наблюдал оных лиц в обществе Князя?

– Только слышал их имена. По его словам, в столицу должен прибыть некто Ржевущий с супругою, и Журавский намеревался их встретить.

– Как вам известно, поезда из Варшавы прибывают на станцию Варшавской железной дороги, но коли принять во внимание свидетельство коридорного «Знаменской», покойный собирався на Николаевский вокзал, – заметил Чаров, о чем-то размышляя.

– С того разговора минуло время, господин коллежский асессор. Можно предположить, что означенные Ржевущие на тот момент уже прибыли в Петербург, погуляли в столице в свое удовольствие, после чего отбыли в Москву. Возможно, Журавский ожидал их обратно из Первостольной.

– Справедливо, господин Блок, справедливо.

– Князь также упоминал, что Ржевущие везут какую-то статью, кою он пообещал им пристроить в важный журнал аль газету. Название Иван не упомянул.

– Прелюбопытная, прямо-таки интригующая подробность! Никогда бы не подумал, что закоренелый щипач Журавский водил дружбу с пишущей братией и, возможно, это еще предстоит установить, поддерживал связи с неблагонадежными. Личность во всех отношениях разносторонняя! Кстати, а Ванёк ничего не попутал со статьями да газетами? Уж больно отчаянным хвастуном представляется Князь! – на лице Сергея заиграла снисходительная улыбка.

– Полагаю, что не попутал, – твердо произнес полицейский чиновник, глядя в упор на судебного следователя. Реплика Чарова, а главное – его пренебрежительно-насмешливый тон уязвили Блока.

– А ежели так, – поняв, что пересолит, принял строгое выражение лица коллежский асессор, – весьма ценные сведения вы мне изволили сообщить. Иными словами, хорошо поработали с Иваном, батенька. Стало быть, ясновельможная чета имела планы на покойного.

– Это еще не все, господин Чаров. Решетов упомянул об одной знатной особе, с коей встречался и даже состоял в переписке Князь.

– Вздор! Знатной особой?! Вор и марвихер! Ну, это уж слишком! – в неподдельной ажитации воскликнул судебный следователь. – Что он видел в своей жизни, этот Иван, поделник щипача?! Мог принять любую мало-мальски прилично одетую даму за знатную особу. Да и Журавский не дурак цену себе набить да, распустив хвост, пройтись павлином перед эдаким простофилей, – распаялся Чаров. «Впрочем, Князь дворянин, пусть и опустившийся на самое дно. А ведь и шляхтичи Ржевущие с ним дело имели... – Сергей задумался на минуту. – Да и тогда на регате все его приняли за своего, да и я ничего подозрительного не приметил». – Я вас услышал, господин Блок. Следует должным образом все обмозговать да прикинуть, как действовать далее будем.

– Выходит, не зря я к вам заглянул, господин Чаров?

– Не напрашивайтесь на комплимент, дружище! – с лукавой улыбкой погрозил ему пальцем судебный следователь и, предложив напоследок чаю, от которого гость решительно отказался, проводил до передней. От известий Блока кипела голова, и, оставшись в одиночестве, он снова и снова возвращался к тому, что ему сообщил полицейский чиновник.

«И что за знатная дама с Князем якшалась? – пренебрежительный сарказм окончательно уступил место неприкрытой озабоченности. – Положим, и не знатная, но явно не простолюдинка, хотя оное превесьма странно. Однако ж отчего странно? Наружность Журавский имел приятную, манеры светские, деньгами, несправедно нажитыми, мог пыль в глаза любому пустить, да и одет был по последней моде. Неспроста его благородная публика в своих домах

принимала. Да и воры кликухой „сиятельной“ обозвали. Князь он и на ярмарке князь», – сопоставлял собственные впечатления о Журавском с рассказами Ивана Чаров.

«А вот чету Ржевуцких должно найти и допросить непременно. По какой надобности они Царство Польское покинули да в Петербург притазились? А может, до сих пор в столице обретаются да на государя злоумышляют», – холодный пот выступил на лбу судебного следователя, и он вспомнил о разговоре с министром внутренних дел Валуевым. В тот день дядюшка обмолвился о неких поляках, готовивших покушение на государя во время его прогулок в Царском Селе.

«Впрочем, все это вздор, чепуха и глупый слух», – как бы спохватившись, что сболтнул лишнее, перевел беседу на другую тему Валуев и, сославшись на безотлагательные дела накануне своего отъезда в Европу, спешно распрощался с племянником.

Едва дождавшись утра, Чаров поехал в присутствие, после чего придумал себе дело в кассационном департаменте Сената, а сам отправился на Фонтанку. Адъютант Шувалова полковник Шебеко немедленно доложил графу о приходе судебного следователя, и тот был впущен в кабинет шефа жандармов.

– Полагаете, переодетая старухой дама и есть наша убивица? – после доклада Сергея по розыску броши и внедрению в окружение княжны Долгоруковой взял быка за рога Шувалов.

– Беря в расчет показания изобличенного дознанием подельника Журавского, Ивана Решетова, а также отсутствие следов борьбы при обнаружении тела Князя, можно утверждать, что покойный был хорошо знаком с убийцей. Обыкновенная шлюха, коли предположить, с кем приехал в гостиницу Князь, едва ли станет устраивать подобный маскарад, изображать калечную старуху и пытаться незаметно прошмыгнуть обратно в номер опосля того, как ее сопровождали в вестибюль. А посему неизвестная пока что нам особа могла после половой близости, факт коей установил лекарь Мариинской больницы, беспрепятственно застрелить Журавского.

– Но что за причина побудила ее совершить смертоубийство любовника? – недоумевал шеф жандармов.

– Полагаю, выстрел случился совершенно спонтанно, ваше высокопревосходительство. Стрелявшая в Князя явно не брала в расчет, что ее могут услышать, – убежденно заявил судебный следователь.

– Ищущий да обрящет, – неопределенно пробормотал Шувалов и подошел к окну. – Теперь о главном, Чаров. Императрице донесли о приезде Долгоруковой в Петербург и ее свиданиях с государем, – вполголоса вымолвил он. – Речь покамест идет об их совместных прогулках. Слава богу, о Париже Мария Александровна покамест не знает. Но что любопытно. Сегодня я самолично наблюдал его величество с княжной вблизи нашей дачи на Елагином. Очевидно, кто-то заметил присутствие моих скотов в Летнем саду.

– Вчера я посещал раут у Несвицкого. Князь женится и объявлял о помолвке. К моему изумлению, бывшая там мадемуазель Варвара Шебеко о чем-то долго секретничала с будущей тещей князя, баронессой Лундберг. Учитывая связи баронессы Матильды и ее близость ко Двору...

– А вы чертовски наблюдательны! – в нетерпении, граф перебил его. – А ведь баронесса недавно вернулась из Крыма. Спешила на помолвку дочери, а заодно свежие сплетни из Ливадии привезла! – оживился граф и позвонил в колокольчик. Через секунду полковник Шебеко вырос на пороге Белого кабинета. – Найдите мне агента Шныря, и коли он здесь, сопроводите немедленно, – приказал, как отрубил, он. – Мадемуазель Шебеко шаг за шагом берет патронирование над княжной в свои руки, – продолжил развивать занимавшую его тему шеф жандармов.

– Совершенно справедливо, ваше высокопревосходительство. Кстати, на обручении мадемуазель успела перемолвиться со всеми значительными персонами, кои соблаговолили прибыть. Даже отец Варсонофий, как мне шепнул при прощании Несвицкий, удостоил Варвару беседой.

– Бойкая девица, но до сих пор не замужем. Она ведь старше княжны лет на десять. Кстати, как по-вашему, эти поляки Ржевуцкие стоят нашего внимания?

– Полагаю, что да, ваше высокопревосходительство. – Он не стал вспоминать про давнюю обмолвку дядюшки министра на предмет злоумышляющих на государя поляков, справедливо полагая, что Третьему отделению наверняка об том факте известно, да и самого Валуева представлять болтуном в глазах шефа жандармов не хотелось.

– В таком разе я запрошу Варшаву и для нашего спокойствия негласную агентуру в Царстве Польском. И последнее, – в беспокойстве оглядывая судебного следователя, заметил Шувалов, – коли подаренная государем брошь тем или иным манером попадет на глаза императрицы по ее возвращении из Ливадии, тайный приезд Долгоруковой в Париж перестанет быть тайной. Доброхоты непременно укажут ей на дату «30 мая», выбитую на безделице, и сопроводят оное обстоятельство несносными комментариями. Не берусь судить о впечатлении ее величества, однако хрупкое здоровье императрицы...

«Тут и кумыс не поможет», – подумал граф, не став договаривать, что может сделаться с пораженным туберкулезом организмом, если его отравить дополнительной порцией яда.

– Ройте землю, Чаров, но найдите эту чертову брошь. Ставки слишком высоки. Речь уже не идет об одной княжне Долгоруковой и ее расположении к вам. На кону репутация императорской семьи и, не побоюсь этого слова, престиж августейшей династии, – политически выверено заключил Шувалов.

Глава 8. Филер Шнырь

Едва он умолк, руководимый полковником Шебеко филер Шнырь осторожно ступил на ковер Белого кабинета.

– Вот что, мил человек. Походишь за известным тебе учителем Закона Божия, а ежели во время твоей службы иные требующие наблюдения личности всплывут, доложишь кому следует.

– Дык его ж взяли, учителя того, прямо на квартире, ваше высокопревосходительство! – удивлению агента не было предела.

– Одни взяли, другие отпустили, болван. Слушай и не перебивай! Распустились тут у меня! – гневно свел брови шеф жандармов, но по всему было видно, что он благоволит к Шнырю. – Твоя наипервейшая задача – разузнать, кто к нему на квартиру таскается и с кем он ныне, опосля того, как в казенном доме баланду хлебал, приятельствует. Дворника опроси, не мне тебя учить. Можешь с ним говорить без лишних эквивоков – спрошу про Фому, чтоб узнать про Ерему. Дворник – наш осведомитель. Сноситься будешь с господином судебным следователем. Чай, вы знакомы?

– Довелось, – пробубнил филер, глядя на Чарова плутоватой ухмылкой.

– Превосходно. А теперь отправляйся исправлять порученную службу. С этой минуты подотчетен господину Чарову, а господина Мерзлика мы уведомим, – уловив тревожные искорки во взоре Шныря, упредил его вопрос про непосредственное начальство Шувалов.

– Должен полюбопытствовать у вас, Чаров. Как намереваетесь проводить розыски броши, имея в виду повседневную службу в Окружном суде? – спросил граф, когда дверь за филером закрылась.

– Не вижу затруднений, ваше высокопревосходительство. Предварительное следствие по убийству Журавского по линии Окружного суда и так веду я, а что касается иных розысков, буду совмещать, не впервой.

– Буде пожелаете, могу ангажировать вас на время к себе под любым благовидным предлогом. Предположу, господин председатель мою просьбу уважит, – сияя самодовольством, предложил шеф жандармов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.